

ЗНАКИ ИДЕНТИЧНОСТИ (ТАМГА) И ПАМЯТНИКИ ТАМГОПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ДРЕВНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

© 2019 г. А.Е. Рогожинский

В статье дается характеристика разновременных групп памятников Казахстана, связанных с символическими изображениями – тамга. Предлагается типология недвижимых и портативных памятников с этими знаками, а также вводятся определения понятий «тамга» и «тамгопользование». Рассматриваются группы знаков тюркской эпохи (VI – начало X в.), которые оцениваются как тамги правящей элиты кочевников и родоплеменные тамги. Применение особых знаков идентичности (тамга) как маркера групповой принадлежности индивидов берет начало в эпоху бронзы, широко распространяется в позднеантичное время, переживает расцвет в раннее Средневековье, сохраняется в Новое время и доживает в измененном виде до наших дней. Предполагается, что инициатива тамгопользования принадлежала политическим и социальным элитам, которые внедряли эту практику для защиты корпоративных интересов и поддерживали ее на всех уровнях общественных связей.

Ключевые слова: археология, Казахстан, тамга, знаки идентичности, тюркская эпоха, Ашина, огузы, казахи

Начало нового века в археологии Казахстана и соседних стран отмечено нарастающим потоком публикаций, затрагивающих тематику *тамговедения* – специализированной дисциплины, формирующейся на стыке истории, археологии, этнографии, социологии, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики. Тематика эта не нова, но современные исследования удостоверительных знаков как символов групповой (клановой, этнической, сословной, политической) идентичности отличаются рядом новых черт. Главными из них являются широкий территориальный охват и намечающийся системный подход специальных исследу-

ований. Первое ведет к быстрому заполнению информационных лакун на археологической карте страны и центрально-азиатского региона, что позволяет увереннее говорить об ареалах знаков кочевников древности и Средневековья, о векторах перемещения их обладателей, о первичных и вторичных районах расселения. Второе новшество, опирающееся на методологию междисциплинарного изучения палеокультурных ландшафтов [Рогожинский, 2012, с. 92–93], влечет за собой постановку вопросов классификации *памятников тамгопользования*, выявления их функциональных и временных связей с другими объектами, выяснения принципов

формообразования знаков и, наконец, идентификации тамговых символов на базе археологических, нумизматических, этнографических данных, сведений письменных источников, включая эпиграфические, и исторической географии. Параллельно с названными новациями формируется понятийно-терминологический аппарат, вырабатываются специальные формы регистрации и представления памятников в публикациях. Хотя для глубоких обобщений в этой отрасли время еще не пришло, накопленные материалы позволяют уже сейчас достаточно успешно решать некоторые важные вопросы: устанавливать возраст и принадлежность отдельных групп знаков, выявлять тенденции проявления практики тамгопользования в исторической ретроспективе, и др. Предлагаемый обзор имеющихся ресурсов не претендует на полноту, а имеет цель ознакомить специалистов с состоянием дисциплины и возможностями привлечения данных тамговедения в современных историко-археологических исследованиях.

Типология памятников тамгопользования и базовые дефиниции

Знаки идентичности древних периодов, Средневековья и Нового времени, известные в Казахстане и в горно-степных ландшафтах Центральной Азии, представлены на памятниках двух категорий: на *портативных предметах* и *недвижимых памятниках* археологии и архитектуры (рис. 1). Последние образуют самую информативную группу объектов. Тамги встречаются на сооружениях мемориально-культового назначения (стелы и изваяния, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмо-

вые постройки), а также в виде рисунков на скалах: *а)* в составе скопленных петроглифов («святилища»); *б)* вблизи стационарных стоянок; *в)* как обособленные собрания знаков («энциклопедии»), которые представляют особый вид памятников истории и культуры, традиционно именуемый «*тамгалытас*». На портативных объектах знаки присутствуют: *а)* на монетах античных государств Трансоксианы (Кушанское царство, Хорезм), вассальных владений тюрков в Средней Азии и городских центров Шуской/Чуйской, Таласской долин и Средней Сырдарьи; *б)* на предметах культовой и бытовой утвари, на престижных изделиях (дорогая посуда, печати), на предметах воинского и конского снаряжения. Наибольшей информативностью для изучения вопросов землепользования, расселения и передвижений кочевых племен обладают тамги на недвижимых объектах, маркирующие места длительного обитания и ареалы, занимаемые в тот или иной период определенными группами номадов.

Памятники тамгопользования позднего Средневековья и Нового времени (XVIII – начала XX в.) преимущественно представлены погребально-культовыми мемориалами, петроглифами и предметами, но кроме того – письменными документами различного содержания и происхождения. На территории Казахстана идентифицируются памятники, оставленные туркменами, ойратами, кыргызами, казахами и сословными группами казахского общества (торе, кожа, толенгуты). Именно эта хронологически относительно поздняя группа аутентичных памятников составляет особенно важный ресурс

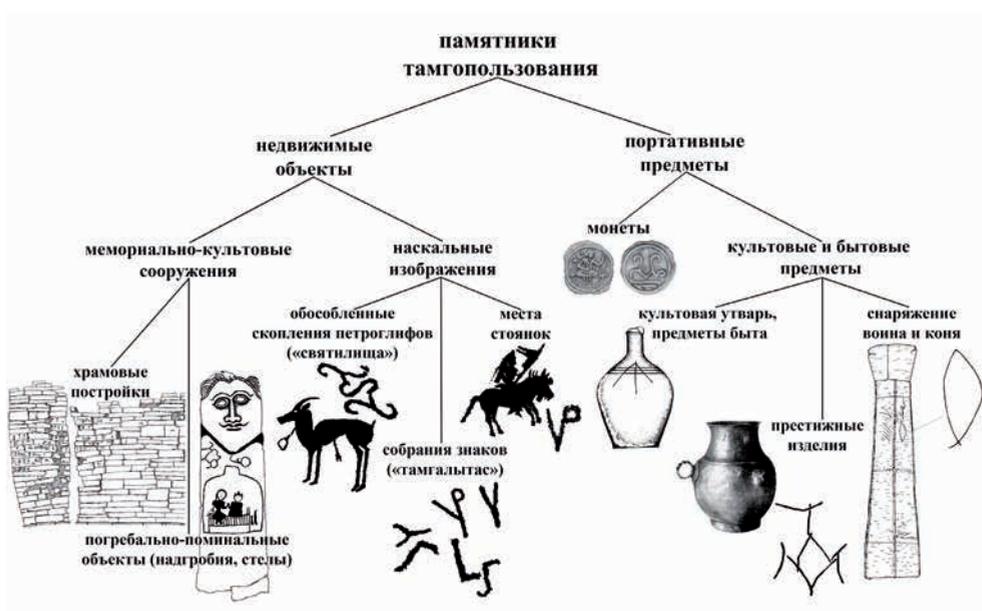

Рис. 1. Типология памятников тамгопользования. Составитель: А.Е. Рогожинский

Fig. 1. Typology of sites of tamga used. Compiled by: A.E. Rogozhinskiy

тамговедения, как наиболее обеспеченная текстами (эпиграфическими и на бумаге), который позволяет полнее изучать нормы традиционного применения символов типа тамга в культуре перечисленных народов.

Наконец, практика тамгопользования сохраняется в современном обществе Казахстана и многих стран региона, переживая новый этап своего развития, приобретая новые формы и значения. Феномен тамгопользования является достоянием культуры большинства, если не всех коренных народов Центральной Азии, поэтому полноценное изучение древних и средневековых знаков идентичности должно опираться и на выявление особенностей функционирования этой знаковой системы в нынешних условиях.

Современные представления о природе символических изображе-

ний типа тамга и практике их применения древними, средневековыми и современными народами Казахстана и Центральной Азии, в разной мере сохраняющимися до настоящего времени культурные традиции номадизма, позволяют предложить следующие базовые дефиниции:

тамга – это знак идентичности, удостоверяющий принадлежность его предъявителя к определенной социальной группе (роду, племени, словию, правящему клану), которая выступает коллективным субъектом обычного права для защиты корпоративных и личных интересов ее членов;

тамгопользование – практика применения особых знаков идентичности, исторически обусловленная возникновением и действием внутренних и внешних факторов существования кочевых обществ, при которых

происходит обособление групповых интересов, а их правовая защита нуждается в визуальном обозначении, в создании зримых сигналов-маркёров типа тамга в среде обитания, в сфере регулируемых общественных отношений (имущественных, управленческих, охранительных).

Следует подчеркнуть, что предлагаемые формулировки служат обозначению двух ключевых понятий, связанных с социальной практикой, сложившейся на основе подвижного скотоводческого уклада, в то время как в обществах иного типа (оседлых и полuosедлых) условия применения знаков идентичности и принципы их формообразования, по-видимому, существенно отличались. Возможно, со временем будут установлены и другие историко-культурные факторы, определявшие специфику тамгопользования у разных народов региона в прошлом и настоящем [Яценко, 2001, с. 107–109].

Хронологические группы памятников тамгопользования Казахстана

Эпоха бронзы. Некоторые нефигуративные изображения, известные сегодня как образцы изобразительного творчества эпохи бронзы, можно рассматривать в качестве наиболее ранних знаков групповой идентичности. К ним относится серия знаков двух форм: в виде «Y» («бакан») и прямого креста. Оба знака связаны с сооружениями и предметными находками в закрытых комплексах Прииртышья (Измайловка, Кучук), Притоболья (Новоильиновский) и Казахского мелкосопочника (Дандыбай, Бесоба) [Усманова, 2011; Тишкин и др., 2016; Кукушкин, Дмитриев, 2017, с. 190–191, рис. 4], а также воспроиз-

ведены порознь и вместе на открытых скалах в составе нескольких местонахождений петроглифов – в Прииртышье (Акбидайык), Каратау (Сауыскандык, Арпаозен) и Шу-Илейских горах (Кулжабасы) [Рогожинский, 2016а, рис. 1, 1–4]. Знаки сохраняют форму в разных вещественных воплощениях (на предметах, сооружениях, гравюрах на скалах) на обширной территории в ареалах определенных культурно-исторических образований. Наблюдается устойчивая связь знака-креста с андроновским (федоровским) культурным массивом Центрального и Южного Казахстана, а для идентификации знака-«бакана» определяющими являются помеченные такой тамгой предметы из памятников бегазинского круга (Дандыбай, Измайловка). Знаки типа «бакан» на портативных изделиях (глиняной посуде и металлическом изделии), обнаруженных столь удаленными друг от друга, сложно рассматривать в качестве личной метки мастера, равно владевшего искусством бронзолитейщика и гончара, или обладателя перечисленных вещей. По-видимому, неоднократно зафиксированные на разных территориях факты создания единообразных знаков обоих видов делают правомерным их выделение как маркеров не узкогрупповой (клановой), а *этнокультурной* идентичности.

Эпоха раннего железа. Тамги кочевников этой эпохи представлены петроглифами, иногда входят в композиции с выразительными сериями зооморфных и антропоморфных изображений или соседствуют с ними (рис. 2, 3, 9), что позволяет установить относительный возраст знаков; в иных случаях основанием служат

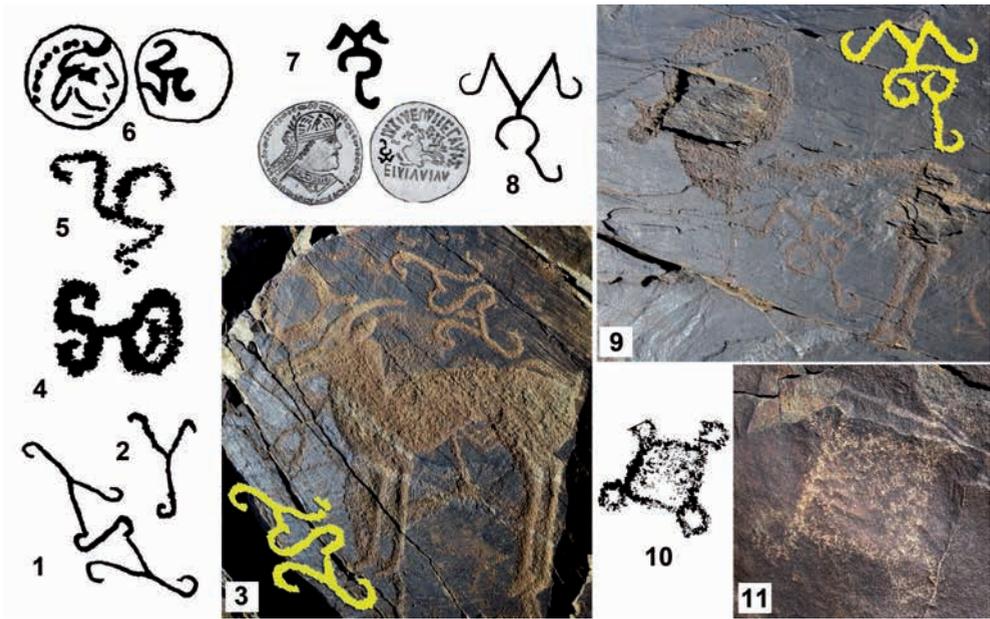

Рис. 2. Тамга-петроглифы поздней античности: 1 – Каракавак (Мангистау); 2, 4 – Кемер, Арпаозен (Каратау); 3, 9 – Акколь (Шу-Илейские горы); 5 – Калмакэмель (Северное Прибалхашье); 8 – Байте III (Устырт); 10 – Томар (Тарбагатай). 6, 7 – тамги на монетах Хорезма (по: [Вайнберг, 1977]). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского

Fig. 2. Tamga-petroglyphs of Late Antiquity: 1 – Karakavak (Mangistau); 2, 4 – Kemer, Arpaozen (Karatau); 3, 9 – Akkol (Shu-Ile Mountains); 5 – Kalmakemel (Northern Balkhash); 8 – Bayte III (Ustyurt); 10 – Tomar (Tarbagatay). 6, 7 – tamgas on the coins of Khorezm (by: [Vainberg, 1977]). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy

аналогии тамгам из других областей региона. Количество выявленных знаков невелико, но в типологическом плане вся группа репрезентативна и насчитывает 12–13 форм. Знаки зафиксированы в составе не менее 10 местонахождений в Каратау, Кыргызском Алатау, Шу-Илейских горах и Жетысуском Алатау на юге Казахстана, а также в Северном Прибалхашье, Калбинских горах и Тарбагатае. Преобладают одиночные знаки, включенные в контекст обособленных скоплений наскальных рисунков («святилища»), в то время как тамги, связанные своим расположением со стоянками той же эпохи, пока не обнаружены.

Тамга-петроглифы этого периода немногочисленны, не создают больших серий однотипных знаков на какой-то отдельной территории; их местонахождения удалены друг от друга на большие расстояния, а точные аналогии знакам обнаруживаются как на востоке (Южная Сибирь и Монголия), так и на западе (Приаралье, Прикаспий, Северное Причерноморье). Некоторые знаки (рис. 2, 5–9) идентифицированы как эмблемы кушанских и хорезмских правителей поздней античности или представителей привилегированных кланов кочевников «сарматского круга» [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015;

Рогожинский, 2016в]. Сделанные наблюдения позволяют рассматривать тамги этой группы как эмблемы политической идентичности – *знаки власти* отдельных аристократических родов, возглавлявших разные объединения кочевников в ходе их перергруппирования и расселения на новых территориях в переломную гунно-сарматскую эпоху.

Иную категорию памятников тамгопользования образуют знаки на керамических сосудах и других предметах, происходящих из оседлых поселений и некрополей присырдарьинских оазисов. Систематизация этих массовых находок и сравнительное изучение знаков активно проводятся в последние годы [Яценко, Смагулов, 2014].

Средневековье. Знаки этой длительной исторической эпохи особенно многочисленны, разнообразны и представлены всеми выделенными типами памятников тамгопользования. Тамга-петроглифы тюркской эпохи (VI – начало X в.) составляют наибольшую долю известных памятников и обнаружены практически во всех регионах Казахстана: десятки местонахождений изучены на широком пространстве от Алтая и Тарбагатая на востоке до Устюрта и Мангыстау на западе, включая область Сарыарки и предгорную зону Тянь-Шаня. Разнообразием форм знаков и их разновидностей отличаются тамги на раннесредневековых монетах урбанизированных областей долин Шу, Таласа и Сырдарьи, а также граффити на керамике и других предметах. Однако тамга-петроглифы X–XII вв. представлены единичными образцами и локальными сериями в собраниях знаков на юге и западе Казахста-

на, а выявление таковых на других территориях и в иных возможных воплощениях остается делом будущего. Сходным образом дело обстоит с памятниками тамгопользования монгольского и послемонгольского времени (XIII–XV вв.): если нумизматический материал чагатайского и джучидского чекана дает определенную серию династийных эмблем Чингизидов и других символов [Петров и др., 2014], то недвижимые памятники, отмеченные подобными тамгами этого периода, в ландшафтах страны практически не изучены. К наименее известным нужно отнести памятники тамгопользования позднего средневековья (XVI–XVII вв.), непосредственно связанные с завершением процесса формирования жузов и этнической территории казахов. К этому этапу относится группа знаков на строительных кирпичиках мавзолея Алаша-хан в Улытау [Хорош, 2010, с. 368–371, рис. 10–12]; образцы подобных и других знаков, имеющих сходство с тамгами казахов, найдены в южных регионах страны – как тамга-петроглифы возле стоянок и на могильных камнях [От Алтая до Каспия, 2011, с. 583–585].

Новое время. Богатый материал по тамгам туркменских и казахских племен позднего Средневековья и XVIII–XIX вв. представляют погребально-культовые памятники Западного Казахстана. Нередко сопровождаемые содержательной эпиграфикой эти памятники аутентичны, несут на себе серийные образцы разнотипных знаков, служат ценным источником по многим вопросам тамгопользования туркмен и казахских племен Младшего жуза, осваивавших земли Северо-Восточного Прикаспия

[Ажигали, 2002, с. 450–466]. Ценные сведения по тамгам казахских Чингизидов, включая членов ханской фамилии Букеевской орды, а также по сословным знакам идентичности других групп казахского общества содержат надгробные памятники некрополей волго-уральских степей [Муминов и др., 2014; Мырзагалиева, 2014]. Менее изученными и документированными являются памятники тамгопользования казахов других регионов, представленные как надгробными сооружениями, отмеченными знаками, так и метками на скалах вблизи горных стоянок в Тарбагатае, Жетысуском Алатау, Шу-Илейских горах и Каратау. Особую группу образуют тамги, связанные с водными источниками – колодцами, родниками [Историко-культурный атлас, 2011, с. 171–177, рис. 95–102].

До недавнего времени ойратские тамги не привлекали внимание исследователей, а их идентификация вызывала затруднение. Между тем, находки ойратских тамгапетроглифов, которым в отдельных случаях сопутствует молитвенные тексты, известны в Жетысу/Семиречье и Восточном Прииртышье. Знак в виде равнобедренного треугольника (*буу*-тамга) присутствует на скале с тибетскими надписями у Кегенского арасана – почитаемого минерального источника, располагавшегося на территории жонгарской урги конца XVII – середины XVIII в. [От Алтая до Каспия, 2011, с. 153–161]. Небольшое количество знаков вместе с культовой эпиграфикой зафиксировано возле стоянок в Тарбагатае и Шу-Илейских горах, однако с большей регулярностью места долговременных стоянок ойратов-буддистов отмечены только традиционными надписями.

Кыргызские тамги встречаются на скалах в центральной части Шу-Илейских гор, чаще – вдоль конных троп и на выдающихся вершинах горных урочищ. Часть из них может относиться к третьей четверти XVIII в. [Аристов, 2001, с. 451–452], но наряду с этим имеются тамги, петроглифы и надписи второй половины XX в., когда часть этих труднодоступных территорий находилась в арендном пользовании кыргызских животноводческих колхозов долины р. Шу.

Знаки правящей элиты тюркской эпохи

Важным результатом изучения знаков идентичности тюркской эпохи стало выделение среди ранее слабо дифференцированного их множества таких групп символов, которые могут рассматриваться как тамги: а) правящей кочевой элиты («династийные»); б) родоплеменные [Osawa, 2010; Базылхан, 2011, с. 188], а также в) надплеменные (этноидентифицирующие или сословные); отдельную категорию составляют религиозные символы.

К знакам *правящей кочевой элиты* можно отнести символы, которые: 1) идентифицируются на основе тождества со знаками на монетах правителей среднеазиатских владений тюрков, тюркшей и карлуков; 2) обладают неизменяемой формой знака; 3) устойчиво занимают высокое статусное положение в известных собраниях знаков; наконец, веским основанием для такой атрибуции служит относительная редкость подобных знаков в ландшафтах хорошо изученных территорий.

Прежде всего, нужно отметить безрезультатность поиска в казахстанско-среднеазиатском ареале

древнетюркской государственности династийного знака Ашина, подобного знаку на каганско-княжеских мемориалах восточных тюрков первой половины VIII в., происхождение которого остается не выясненным. Вопреки высказанному в свое время А.Д. Грачом мнению [1973, с. 323–324, рис. 1, 17–20], ареал тамга-петроглифов, соответствующих по иконографии своеобразной эмблеме на орхонских мемориалах, не выходит за пределы областей Центральной Азии, на которые распространялся суверенитет правителей восточных тюрков [Савинов, 2015, с. 65–66]. Схематичные зооморфные изображения, приведенные в качестве аналогий тувинским петроглифам «типа Чуруктуг-Кырлан» и тамге Ашина на территориях Казахстана и Кыргызстана [Грач, 1957, с. 408–413, рис. 16, 28–38], в действительности таковыми не являются.

Столь же бесперспективны попытки реконструировать эволюцию форм династийных знаков представителей западного крыла династии Ашина, рассматривая эмблемы тюрко-согдийского монетного комплекса VI–VII вв. и отдельные образцы тамга-петроглифов из Казахстана и Кыргызстана как производные формы того же символа на мемориалах восточных тюрков VIII в. [Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 104–112]. Становится ясно, что представители «младшей» ветви Ашина, пользовались знаками идентичности иных форм, и некоторые из них действительно выявлены среди тамга-петроглифов на юге Казахстана по образцам династийных эмблем на среднеазиатских монетах.

Известно четыре типа тамга-петроглифов, тождественных знакам на монетах Шаша, Согда и Тохаристана. Почти все они найдены в Шу-Илейском междуречье, один петроглиф – в Западном Тянь-Шане, у границ Шаша. Весьма редким является т.н. «лировидный» знак, зафиксированный в нескольких пунктах Шу-Илейских гор (Когалы, Тамгалы, Алмалы, Аккайнар). Во всех случаях форма знака неизменна, не имеет производных вариантов (рис. 3, 7–9); тамга обычно изображается обособленно, не входит в собрания родоплеменных знаков, лишь дважды встречена в сочетании с тамгой иного типа [Рогожинский, Тишин, 2018, с. 81, 83; табл. 1, 5, 8]. «Лировидная» тамга хорошо известна в среднеазиатской нумизматике (Панч, Чаганиан, Кобадиян), а также обнаружена на керамике в Отрарском оазисе [Naymark, 2005, с. 226–227; Алёшин, 2013; Байпаков, Авизова, 2015, с. 208, 213; рис. 22]. По этим аналогиям тамги из Шу-Илейского междуречья могут датироваться VI–VII вв. Происхождение и принадлежность знака не выяснены, но его роль династийной эмблемы какого-то знатного клана кочевников, связанного с Жетысу и областями Восточного Согда и Тохаристана, становится очевидной.

Своеобразная форма лировидного знака образует неизменяемую основу тамги, усложненную диакритическими элементами и стилизацией (рис. 3, 10), которая присутствует на многих типах монет Шаша в VII – начале VIII в. с титулатурой верховных правителей западных тюрков: «джабгу», «джабгу-каган» и «каган» [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 60–61,

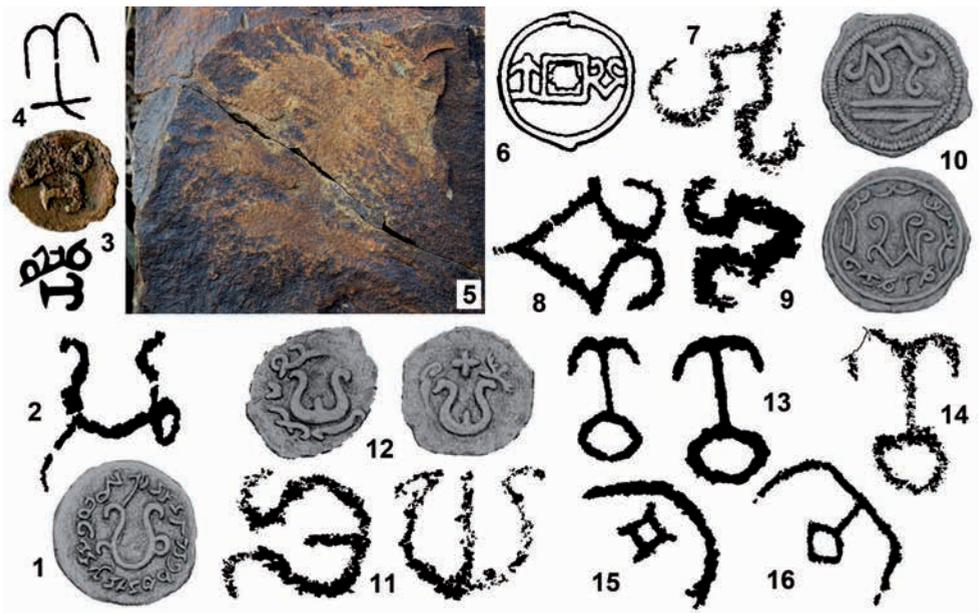

Рис. 3. Тамга-петроглифы раннего Средневековья: 2 – Каскабулак (Таласский Алатау); Шу-Илейские горы: 4 – Когалы, 5, 7 – Алмалы, 8 – Тамгалы, 9 – Аккайнар, 14 – Кулжабасы, 15, 16 – Котыр; 11 – Карашоқы (Торайгыр); 13 – Боралдай (Каратау). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского.

1, 3, 6, 10, 12 – тамги на монетах Шаша и Согда
(по: [Смирнова, 1981; Шагалов, Кузнецов, 2006; Бабаяров, 2017])

Fig. 3. Tamga-petroglyphs of the Early Middle Ages: 2 – Kaskabulak (Talas Alatau); Shu-Ile Mountains: 4 – Kogaly, 5, 7 – Almaly, 8 – Tamgaly, 9 – Akkaynar, 14 – Kuljabasy, 15, 16 – Kotyr; 11 – Karashoky (Toraygyr); 13 – Boralday (Karatau). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy. 1, 3, 6, 10, 12 – tamga on coins of Shash and Sogda (by: [Smirnova, 1981; Shagal, Kuznetsov, 2006; Babayarov, 2017])

187–198; Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 45–46, 113]. О хронологии этих эмиссий ведется дискуссия, решающее значение в которой имеют находки подобных монет в культурных слоях VII – начала VIII в., например, присырдарьинских городищ [Яценко, Смагулов, 2014, с. 275–276, рис. 3, 1–3]. Независимо от решения вопроса о происхождении «лировидной» тамги, несомненно, систематическое использование ее производных форм эмитентами монет Шаша, которые являлись или выступали от лица верховных правителей западных тюрков – представителей «младшей» ветви Ашина.

Видоизменяемость династических знаков в зависимости от статусных отличий предьявителей иллюстрируется новыми материалами с территории Южного Казахстана и нумизматикой Шаша (рис. 3, 1, 2). На плато Каскабулак в Таласском Алатау обнаружена одиночная тамга-петроглиф, которая по форме соответствует еще одному типу знаков на монетах Шаша (группа 3, по: [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 107–140]). Основная фигура тамги на монетах этой группы неизменна, хотя эмиссия осуществлялась в течение VII в. четырьмя правителями, носившими титул «тегин» и, возможно, «ильтебер» [Шагалов,

Кузнецов, 2006, с. 131]. Тамга имеет сходство с «лировидным» знаком на упомянутых монетах с титулами «джабгу» и «джабгу-каган», но столь же очевидны ее отличия, которые могли обозначать, например, иной уровень политико-генеалогической иерархии, занимаемый нецарствующими представителями «младшей» ветви Ашина. Исследователями не отрицается одновременное обращение в Шаше этих двух групп монет (группы 2 и 3) в пределах первой половины VII в. [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 291–292]. Это может означать сосуществование, по меньшей мере, двух видов знаков идентичности, которыми пользовались в зависимости от индивидуального статуса разные представители западно-тюркской династии. Примечательно также появление в Шаше позже, возможно, во второй четверти VIII в. [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 269–271], монет группы 7, эмитенты которых носили титул «божественный правитель/каган» и обладали тамгой, имевшей в основе омегаобразную фигуру, как на монетах «тегинов», но с короткой дополнительной чертой, намечающей осевую линию фигуры. Уникальный знак дважды выбит на вершине сопки Карашоқы у гор Торайгыр в междуречье Шарына и Шилика, вновь указывая на связь обладателей тамги в Шаше с кочевой элитой Жетысу (рис. 3, 11, 12). Типологическое «родство» форм знаков на монетах обеих групп (3 и 7) представляется очевидным, а видоизменение тамги – закономерным при обретении более высокого политического статуса представителями той же династической линии.

Еще один тип тамги высокого ранга выделяется по монетам Шаша с согдийской легендой «каган» и «Тарду» на лицевой и оборотной стороне

(рис. 3, 3). Тамга на реверсе получила неточное обозначение «якоревидная» из-за произвольного разворота ее изображений в публикациях [Ртвеладзе, 2006, с. 86–87; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 286–287]. Если положение геральдического знака имело значение, то для выяснения его канонического начертания приоритет имеют тамги, нанесенные на вертикальные поверхности недвижимых объектов с ограниченным фронтальным доступом, т.е. скалы и монументы. Тамга-петроглифы данного типа обнаружены дважды в Шу-Илейских горах, где знак на скалах представлен в одинаковом положении (рис. 3, 4, 5). На основании прочтения легенды и технических параметров монет этой группы Г.Б. Бабаяров связывает их эмиссию с каганом Тарду (576–603) и считает «одними из первых монет Западно-Тюркского каганата» [Бабаяров, 2017, с. 22–24]. Этот чрезвычайно редкий знак обнаружен в Шу-Илейских горах вблизи скопления средневековых стоянок в Алмалы и на изображении породистого скакуна под седлом среди других уникальных гравюр культурного комплекса Когалы.

К знакам власти кочевой элиты относятся тамга-петроглифы тюргешей и карлуков, выделенные на основе сходства с основными символами на монетных выпусках городов Шуской, Таласской долин и Отрарского оазиса. Тюргешские тамги известны по нескольким типам монет; их формы обнаруживают сходство и отличия, и так же разнообразны тамга-петроглифы. Принято считать, что тюргешская тамга соответствовала по виду букве /t'/ орхонского рунического письма, но в дальнейшем, с началом выпуска правителями каганата собственной монеты по образцу китайских денег с квадратным отвер-

стием, форма знака видоизменилась в результате стилизации [Смирнова, 1981, с. 61]. Однако тамга-петроглифы позволяют иначе представить генезис геральдического знака на монетах с легендой «господина тюргешского кагана фан (деньга)».

Известно более 10 гравюр, сопоставимых со знаками на тюргешских монетах (рис. 3, 13–16). Объединяющими признаками знака являются: в основании – замкнутая фигура в форме окружности, овала или ромба; соединительная линия, по длине равная или превышающая диаметр основания; две соединенные концами дуги или одна дуга в верхней части знака. Пара одновременных тамга-петроглифов из Каратау (рис. 3, 13), отличающихся в деталях, демонстрирует сосуществование разных вариантов начертания знака. По-видимому, описанные разновидности тамга-петроглифов передают основную форму удостоверительного знака правящего клана (кланов?) тюргешей. Наряду с этим известно несколько стилизованных знаков, которые весьма напоминают некоторые разновидности тамги на тюргешских монетах. Подражательный характер гравюр очевиден, поэтому для их датировки *terminus post quem* служит хронология выпусков монет с подобной символикой. Заметим, что среди тамга-петроглифов нет знаков, подобных рунической /t¹/, поэтому появление геральдической эмблемы на тюргешских монетах скорее связано со стилизацией исходной формы знака, представленной наскальными гравюрами, но никак не литеры орхонского письма. Сделанные наблюдения снимают необходимость рассматривать династическую эмблему на монетах тюргешского круга как «стилистический вариант руническо-

го “ат”» или даже «тамгу “ат”» [Бурнашева, 1989, с. 13–15; Аитова, 2000], но еще не проясняют происхождение самого знака.

Тамга-петроглифы тюргешей зафиксированы преимущественно возле стоянок в Шу-Илейском междуречье (6 пунктов), что согласуется с данными китайских хроник о занимаемой ими территории к моменту политического возвышения на рубеже VII–VIII вв. [Зуев, 2002, с. 149–150]. За пределами этой области тюргешские тамги найдены в Каратау (Боралдай, Сауыскандык) и Северном Прибалхашье (Жельтау, Калмакэмель), однако ни одного похожего знака не найдено на правобережье Иле и среди известных петроглифов долины Таласа и Прииссыккуля. Вне основного ареала единичные изображения похожих знаков зафиксированы на Алтае (Калбак-Таш I, Чаган); характерные признаки тюргешской тамги обнаруживают отдельные изображения в Хуругийн узур на Хангае [Гантулга, 2014, табл. 1 (вверху)].

Тамга правящего клана карлукского объединения в период сложения самостоятельной государственности во второй половине VIII – IX в. выявлена на основе нумизматических материалов из Шуской долины (рис. 4, 2–4) и тамга-петроглифов высокогорного Алтая и Шу-Илейских гор. На Алтае эти знаки концентрируются в верховьях р. Чуя (4 тамга-петроглифа и 2 гравировки на сосудах из могильников Юстыд XII и Туяхта), и один знак найден в Цагаан Салаа I. За пределами ареала упомянем изображение тамги на стеле из Шивээт улаан и монету из Минусинского музея, на оборотной стороне которой процарапаны «три знака и тамгообразная

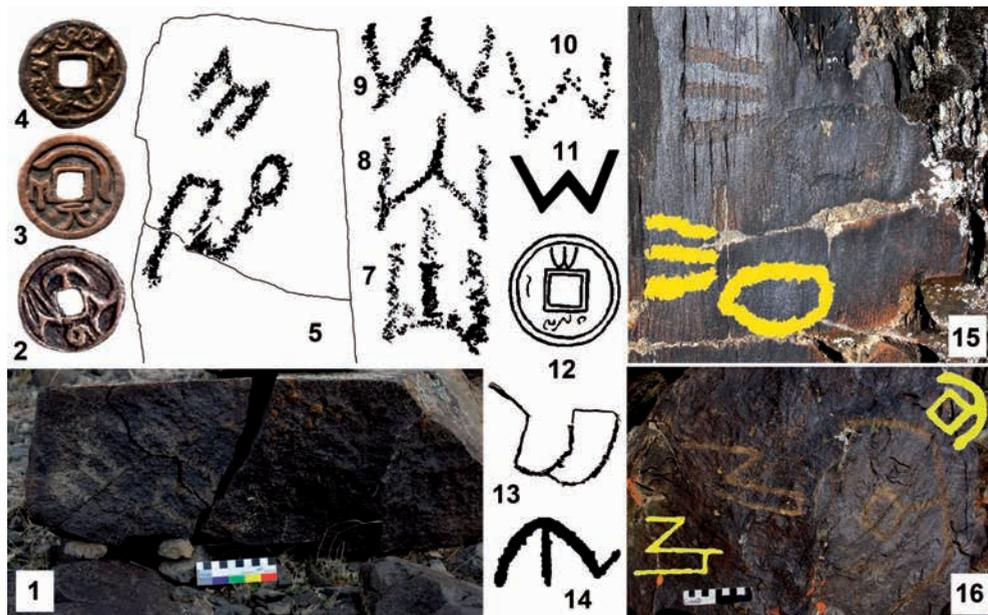

Рис. 4. Тамга-петроглифы карлуков и огузов. Шу-Илейские горы: 1, 5, 7, 13 – Алмалы, 8 – Ащису, 10 – Жайсан, 15 – Кұлжабасы, 16 – Котыр; 14 – Сауыскандык (Каратау): Алтай: 9 – Талтура (по: [Кубарев Г.В., 2017]), 11 – Юстыд XII (по: [Кубарев В.Д., 1984]). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского. Тамги на монетах: 2–4 – Шуская долина (по: [Бабаяров, Кубатин, 2016]); 12 – Минусинский музей (по: [Кызласов И., 1984])

Fig. 4. Tamga-petroglyphs of Karluk and Oguz. Shu-Ile Mountains: 1, 5, 7, 13 – Almaly, 8 – Ashchisu, 10 – Jaysan, 15 – Kuljabasy, 16 – Kotyr; 14 – Sauyskandyk (Karatau): Altay: 9 – Taltura (by: [Kubarev G.V., 2017]), 11 – Yustyd XII (po: [Kubarev V.D., 1984]). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy. Tamgas on coins: 2–4 – Shu valley (by: [Babayarov, Kubatin, 2016]); 12 – Minusinsk Museum (by: [Kyzlasov I., 1984])

фигура» [Кызласов, 1984, с. 94, 96; рис. 3], сходная с алтайскими тамга-петроглифами [Кубарев, 2017]. Во всех случаях тамга имеет форму перевернутых рунических графем М /lt/ или \sum /nč/, иногда выглядит как М (рис. 4, 9, 11, 12).

В Шу-Илейском междуречье изображение тамги в форме перевернутой М найдено в Жайсане [Досымбаева, 2013, фото на с. 238], а в виде М – в долинах Ащису и Алмалы – все в южной части Шу-Илейских гор (рис. 4, 1, 5, 7, 8, 10). Вблизи средневековой стоянки в Алмалы собрание знаков включает две руноподобные тамги [Рогожинский, Тишин, 2018,

с. 82; рис. 1, 12–15]. Тамги данного типа идентифицируются как эмблемы правящего клана карлуков – по сходству со знаками на монетах из Шуской долины, эмиссия которых связывается с «династией (?) Арсланидов – своеобразных “посредников” между тюргешскими правителями и сменившими их в Жетысу в X в. Караханидами» [Настич, 1989, с. 117]. По находкам с городища Шиштобе выделены монеты собственно карлукского чекана с легендой «монета господина кагана карлуков» [Лурье, 2010, с. 280–282; рис. 1, 1, 2], на которых изображены знаки (рис. 4, 4),

сходные с тамга-петроглифами Алтая и Шу-Илейских гор.

Тамги средневековых огузов в Казахстане

Самую многочисленную группу образуют *родоплеменные* тамги средневековых кочевников. Они образуют большие серии однотипных изображений, для них характерно разнообразие форм, образованных добавлением элементов при сохранении неизменяемой основной фигуры тамги, которая может выступать и как самостоятельный знак племенной идентичности. Вопросы атрибуции некоторых знаков этой группы уже освещались [Рогожинский, 2016а, с. 54–55, 59–60]; здесь рассматриваются материалы по тамгам огузов, выявленным на юге и западе Казахстана.

Ранее других тамги средневековых огузов идентифицированы на погребальных памятниках XII–XV вв. Мангышлака и Устюрта [Ажигали, 2002, с. 453–456]. В последние годы обнаружены памятники, которые актуализируют тему расселения огузов в горно-степных районах юга Казахстана. Для отождествления знаков с огузами опорными служат сведения таких авторитетных авторов, как Махмуд ал-Кашгари и Рашид ад-Дин, в то время как материалы арабо-огузской нумизматики Приаралья не дают геральдических образцов для сопоставления с известными памятниками [Гончаров, Настич, 2013].

На севере Каратау (Сауыскандык) неоднократно встречены тамги (рис. 4, 14) племени салгур (салор), вождям которого принадлежала власть в государстве сырдарьинских огузов в IX – середине X в. [Агаджанов, 1969, с. 135–137]. Здесь же

неоднократно зафиксирован знак, который фигурирует на одном типе доисламских монет Отрара [Бабаяров, 2016, с. 352–353] и, возможно, сопоставим с тамгой огузов *бегдели/бактили* [Махмуд ал-Кашгари, 2006, с. 93]. Четыре тамги племени *байундур* найдены в Арпаозен: две выбиты поверх древнего изображения верблюда, две нанесены на стелу, вторично использованную на старом казахском кладбище.

На западной окраине Бетпақдалы в урочище Тамгалыжар («камень Тамгалытас») среди множества знаков и надписей позднего происхождения, выявлено крупное собрание средневековых тамга-петроглифов. Они образуют несколько групп, расположенных вблизи пресного источника в этом пустынном районе. Всего выделено 19 разновидностей знаков, относящихся к начальному этапу истории памятника. Сопоставление их с тамгами современных и средневековых номадов региона обнаружило наибольшую степень сходства (90%) с достоверительными знаками средневековых огузов. Учитывая географическое расположение памятника на юго-западной окраине Дашт-и Кыпчак, время возникновения этой крупнейшей «энциклопедии» огузских тамг следует отнести к IX–X вв., во всяком случае, до середины XI в. [Рогожинский, 2017].

Серия тамга-петроглифов разных племен огузов выделяется на памятниках Шу-Илейских гор. В Кулжабасы и Акколл встречен знак (рис. 4, 15) в виде трех параллельных линий (стрел) и овала (лука), напоминающий тамгу племени *уркиз/уракир*, которое входило в огузское объединение *учук* («три стрелы»). Небольшое собрание

знаков обнаружено в Котыр: отдельно вверху выбита стилизованная тамга тюргешей, ниже – второй такой знак рядом с тамгой (рис. 4, 16), специфичная форма которой тождественна тамге племени *букдуз* по рисунку из «Диван лугат ат-турк» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93]. Сходство техники исполнения и цвета патины убеждает в одновременности знаков. Это уникальное собрание не только документирует присутствие на западе Жетысу какой-то части огузов около середины VIII в., но и раскрывает, по-видимому, их союзнические отношения с тюргешами в период массового переселения карлуков на земли «он ок будун». Особую ценность представляет находка в Алмалы рунической надписи в сопровождении тамги племени *байундур* (рис. 4, 13); это первый аутентичный письменный памятник, связанный с пребыванием огузов в Жетысу [Рогожинский, Тишин, 2018, с. 86–88; рис. 2, 5].

Тамги казахов: задачи исследований

Несмотря на длительное изучение родоплеменных знаков казахов, одного из самых многочисленных тюркских народов, сохранявших практику тамгопользования в условиях кочевого уклада вплоть до начала XX в., источниковедческие вопросы в этой области остаются актуальными. Некоторые из них уже обсуждались [Рогожинский, 2010; Базылхан, 2012], и обзор результатов новых исследований выполнен [Рогожинский, 2016]. Здесь нужно отметить ряд ближайших задач изучения тамгопользования казахов.

Наиболее востребованным видится введение в научный оборот материалов, отложившихся в архи-

вах Казахстана и зарубежья. Это обусловлено сохраняющейся неполнотой данных по тамгам казахов трех жузов и противоречивостью сведений авторов XIX–XX вв., сообщающих о форме знаков отдельных племен и родов. Систематическое изучение автографических документов является необходимым условием для создания *корпуса родоплеменных знаков казахов XVIII – начала XX в.* Наряду с этим сохраняет актуальность изучение недвижимых памятников тамгопользования, особенно в центральном, южном и восточном регионах страны.

Более 150 лет ожидают своего опубликования рукописные приложения (карта и 7 листов большого формата) к известному труду И.М. Казанцева «Описание киргиз-кайсаков» (1867 г.), которые хранятся в архиве РГО в Санкт-Петербурге (Архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13). Эти материалы должны были составить иллюстративную часть книги, но остались неизданными, вероятно, из-за трудности полиграфического исполнения: в тексте книги имеются лишь подстрочные ссылки на них [Казанцев, 1867, с. 30, 61, 62, 230]. Недавно издано приложение № 7 («Родословная ханов и султанов Меньшей и Внутренней киргиз-кайсацкой орды»), изучение которого выполнено Д.Ж. Ерботиной под руководством автора и И.В. Ерофеевой [Ерботина, 2014]. Наибольший интерес представляют приложения № 3–6 и особенно № 8 «Росписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» – родословная схема трех объединений казахов Младшего жуза (алимулы, байулы, жетыру) с описанием мест кочевков, с изображениями знаков родов и отделений (рис. 5, 1). Попытка источниковедческого анали-

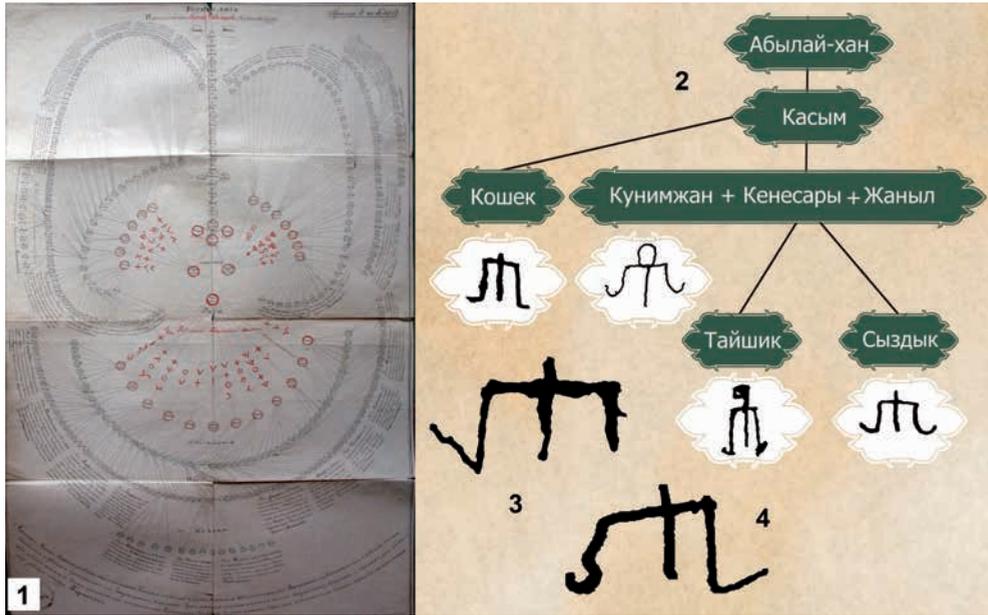

Рис. 5. Тамги казахов и Чингизидов XVII–XIX вв. 1 – Приложение №8 «Ростписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» к рукописи И.М. Казанцева, 1852 г. [Научный архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13, л. 1]. Фото А.Е. Рогожинского, 2008 г. 2 – тамги семейной группы Кенесары Касымова (по документам ЦГА РК). Тамги Шибанидов: 3 – тамга царевича Тауке Кучумовича, 1639 г. (по: [Трепавлов, 2012]); 4 – тамга Абиля Табылдина, 1833 г. (по: [ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 5431, л. 320 об.]

Fig. 5. Tamgas of the Kazakhs and Chingizids of the XVII – XIX centuries. 1 – Appendix No. 8 “Rospisaniye proiskhozheniya kirgiz-kaysatskoy Menshey ordy” to the manuscript by I.M. Kazantsev, 1852 [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Photo by A.E. Rogozhinskiy, 2008. 2 – the tamga of the Kenesary Kasymov family group (according to the documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan). Tamga of Shibanids: 3 – Tamga Tsarevich Tauke Kuchumovich, 1639 (by: [Trepavlov, 2012]); 4 – Abil Tabildin’s tamga, 1833 (by: [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan])

за этого документа предпринята еще Н.А. Аристовым [1896, с. 380–385]; в наше время изучение источника возобновлено, к сожалению, не затрагивая проблем атрибуции знаков [Бекназаров, 2010]. Необходимо полное издание приложений к книге И.М. Казанцева, являющихся одним из ранних источников по родословию и тамгопользованию казахов Младшего жуза.

В последние годы заметно расширился круг источников по сословно-династийным тамгам казахов Чингизидов [Муминов и др.,

2014; Мырзагалиева, 2014; Рогожинский, 2014]. Однако еще малоизучены вопросы происхождения и видоизменения форм династических эмблем разных ветвей Джучидов, а также обычаев тамгопользования, отражавших отношения родства и статусных отличий предъявителей. Так, требуют объяснения примеры сходства знаков идентичности отдельных представителей династической ветви Шибанидов [Трепавлов, 2012, с. 101, 174–175, фото на обложке] и казахов Джучидов в XVII–XIX вв. (рис. 5, 2–4). Значимо также выяснение условий

правообладания, наследования и изменяемости тамги в системе гендерных отношений (ср. тамги семейной группы Кенесары Касымова: рис. 5, 2). Возможно, нормы правообладания и наследования клановых знаков Чингизидов не были неизменны и универсальны, как это порой представляется.

В целом, обильный материал по знакам идентичности, применявшимся в казахском обществе XVIII–XIX вв., помогает углубленно изучать традиции тамгопользования в культуре кочевников, выявлять закономерности формообразования и условия применения удостоверительных знаков в разных сферах общественных отношений, обозначению которых они служили.

Выводы

Краткая ретроспектива позволяет предположить, что *инициатива тамгопользования принадлежала кочевым элитам* – политическим и социальным, которые внедряли эту сигнальную систему для защиты корпоративных интересов и поддерживали ее на всех уровнях общественных связей. В тюркскую эпоху наблюдается *расцвет тамгопользо-*

вания, который мог быть обусловлен этнополитической консолидацией кочевых племен в составе Тюркского каганата и его исторических преемников в ходе широкомасштабных завоеваний, миграций, разносторонних контактов и формирования тюркской государственности, когда наряду с распространением письменности (рунической и др.) особенно возросло коммуникативно-регулирующее значение знаков идентичности типа тамга. В последующие исторические времена феномен тамгопользования претерпевал трансформации, но сохранился до наших дней, принимая новые формы и значения, опирающиеся на древнюю культурную традицию.

Современное состояние тамговедения создает предпосылку для обеспечения исторических исследований ранее мало востребованным массовым видом аутентичных источников, дополняющим скудные, нередко противоречивые письменные сведения по этнокультурной и социально-политической истории народов Казахстана в древности, Средневековье и Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002. 654 с.
3. *Аитова С.И.* Статистический анализ древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия МОН РК-НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 125–130.
4. *Алёшин А. Н.* Монеты Кобадияна и их надчеканки // I Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика – 2011» (под ред. А.Н. Алёшина). Киев: Альфа Реклама, 2013. С. 8–16.
5. *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 576 с.

6. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
7. *Бабаяров Г.* Тамги на доисламских монетах Отрара // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 347–355.
8. *Бабаяров Г.* Монеты Западно-Тюркского каганата с титулом «Тарду каган» // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. Вып. 5. С. 19–30.
9. *Бабаяров Г., Кубатин А.* Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. Ч. I. 190 с.
10. *Базылхан Н.* Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель – Алтай»: матер. науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей (г. Казань, 7–11 декабря 2009 г.). Сер. «Археология евразийских степей». Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 187–194.
11. *Базылхан Н.* Некоторые историко-источниковедческие проблемы, связанные с традиционной системой тамгопользования казахов // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: «Service Press», 2012. С. 84–90.
12. *Байпаков К.М., Авизова А.К.* Раскопки городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2015. Вып. 6 (304). С. 182–214.
13. *Бекназаров Р.А.* Родословная-шежире казахов Младшего жуза в материалах И.М. Казанцева (вторая половина XIX в.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: науч. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 46–56.
14. *Бурнашева Р.З.* Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII–XVII вв. Алма-Ата: Наука, 1989. 78 с.
15. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма / отв. ред. С.А. Трудновская, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: «Наука», гл. ред. вост. лит., 1977. 220 с.
16. *Гантулга Ж.* Знаки-тамги из местности Хуругийн Узур // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ХАКНИИЯЛИ. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2014. С. 44–51.
17. *Гончаров Е.Ю., Настич В.Н.* Монеты сырдарьинских огузов IX в. // Тюркологический сборник. 2011–2012. М.: Восточная литература, 2013. С. 80–91.
18. *Грач А.Д.* Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 385–428.
19. *Грач А.Д.* Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 316–333.
20. *Досымбаева А.* История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы: «Service Press», 2013. 250 с.
21. *Ерботина Д.Ж.* Малоизвестные материалы И.М. Казанцева по родословию Абулхаир-хана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 207–217.
22. *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 360 с.
23. Историко-культурный атлас казахского народа. / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 300 с.

24. *Казанцев И.М.* Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.
25. *Кубарев Г.В.* «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 341–344.
26. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 188–202.
27. *Кызласов И.Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (к вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 84–94.
28. *Лурье П.Б.* Карлуки и ягларкары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 279–284.
29. *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
30. *Муминов А.К., Нурманова А.Ш., Медерова Д.Е.* Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 224–236.
31. *Мырзагалиева Г.С.* Изучение надгробных памятников некрополя Хан зираты // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 248–258.
32. *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции (под ред. В.А. Лившица и др.). Фрунзе: Илим, 1989. С. 96–120.
33. От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. Алматы: Brand Book, 2011. Т. 2. 728 с.
34. *Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы, 2014. 264 с.
35. Приложение №8 «Росписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» к рукописи И.М. Казанцева, 1852 г. // Научный архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13, л. 1.
36. *Рогожинский А.Е.* «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101–127.
37. *Рогожинский А.Е.* Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: Изд-во EVO PRESS, 2014. С. 262–273.
38. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. / Под ред. В.В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016а. С. 53–63.

39. *Рогожинский А.Е.* Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахия Евразии: история и культура: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпекко. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016б. С. 223–235.
40. *Рогожинский А.Е.* Незадолго до Чжан Цяня: след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей / ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016в. С. 527–550.
41. *Рогожинский А.Е.* Знаки и надписи «камня Тамгалытас» на окраине Бетпакдалы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 297–307.
42. *Рогожинский А.Е., Тишин В.В.* Комплекс рунических надписей и тамгапетроглифов долины Алмалы в Семиречье // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 8. С. 77–91.
43. *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент: MEDIA LAND, 2006. 132 с.
44. *Савинов Д.Г.* Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике / отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 64–74.
45. *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.
46. *Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В.* Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // ТПАИ. 2016. Вып. 2 (14). С. 123–134.
47. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
48. *Усманова Э.Р.* Каменная плитка с изображением креста // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: изд-во КВАДРАТ, 2011. С. 123–124.
49. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 5431, л. 320 об.
50. *Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: «Фан», 2006. 328 с.
51. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
52. *Яценко С.А., Смагулов Е.А.* Новые находки серий доисламских знаков тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS. 2014. С. 274–282.
53. *Naymark A.I.* The meaning of «tamghas» on sogdian coins // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (г. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2005 г.) / отв. ред. В.П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 226–227.
54. *Osawa T.* On functional changes of tamga and nishan-signs in the Old Turkic period // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. by J.E. Pim; S.A. Yatsenko and O.T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 341–371.
55. *Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A.* The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road / Ed.: D.C. Waugh. 2015. Vol. 13. P. 109–125.

Сведения об авторе:

Рогожинский Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); alexeyro@hotmail.com

СӘЙКЕСТІЛІК БЕЛГІЛЕРІ (ТАҢБАЛАР) ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТАҢБА ПАЙДАЛАНУДЫҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ: КӨНЕ КЕЗЕҢІ, ОРТАҒАСЫРЛАР ЖӘНЕ ЖАҢА ЗАМАН

А.Е. Рогожинский

Мақалада нышандық бейнелермен, яғни таңбалармен байланысты Қазақстан ескерткіштерінің әртүрлі кезеңдегі топтамаларына сипаттама беріледі. Осы белгілері бар жылжымайтын және тасымалды ескерткіштердің типологиясы ұсынылады, сонымен қатар «таңба» және «таңба пайдалану» ұғымдарының анықтамалары енгізілген. Түрік кезеңі (VI – X ғ. басы) белгілерінің топтамасы қаралады. Олар көшпенділердің бетке ұстар билеушілерінің таңбалары мен туыс-тайпалық таңбалары ретінде бағаланады. Ерекше сәйкестілік белгілерді (таңбаларды) жеке топқа ғана қатысты құрал ретінде қолдануы қола дәуірінің басынан басталады, кейінгі көнелік заманында кең тарайды, ерте орта ғасырларда өркендейді, Жаңа дәуірде сақталынып, өзгертілген түрде бүгінгі күнге дейін жетеді. Таңба пайдалануы саяси және әлеуметтік бетке ұстарлардың бастамасы деп ұйғарылады. Олар бұл іс-тәжірибені бірлестік мүдделерін қорғау үшін енгізген және оны қоғамдық қарым-қатынастардың барлық деңгейінде қолдап отырған.

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, таңба, сәйкестілік белгілер, түрік дәуірі, Ашина, оғыздар, қазақтар

SIGNS OF IDENTITY (TAMGA) AND MONUMENTS OF TAMGA USE IN KAZAKHSTAN: ANTIQUITY, MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

A.E. Rogozhinskiy

This paper provides description of various groups of archeological monuments of Kazakhstan connected with symbolic images – tamga. The typology of immovable and portable monuments having these signs, as well as definitions of the concepts of “tamga” and “tamga use” are provided. There are considered groups of signs of the Turkic epoch (VI – beginning of the X c.), which can be identified as tamgas of the ruling elite of nomads and tribal tamgas. The use of special signs of identity (tamga) as a marker of the group identity of individuals had originated in the Bronze Age, was widely spread in the late antique period, flourished in the early Middle Ages, was preserved in the Modern Age and has survived in a modified form to this day. We suppose that tamga use was initiated by political and social elites, who introduced this practice to protect corporate interests and supported it at all levels of public relations.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, tamga, signs of identity, Turkic era, Oguzes, Kazakhs

REFERENCES

1. Agajanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX–XIII vv. (Essays on the history of the Oguz and the Turkmens of Central Asia of the 9th – 13th centuries)*. Ashhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).
2. Ajigali, S. E. 2002. *Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona) (The architecture of nomads is a phenomenon of the history and culture of Eurasia (sites of the Aral-Caspian region))*. Almaty: «Gylım» Publ. (in Russian).
3. Aitova, S. I. 2000. In *Izvestiya MON RK-NAN RK (Proceedings of the Ministry of Education and Science RK and the National Academy of Sciences RK)*, 1, 125–130 (in Russian).

4. Alyoshin, A. N. 2013. In Aleshina, A. N. (ed.). *I Mezhdunar. nauch. konf. «RAS-MIR: Vostochnaya numizmatika – 2011» (1 International Scientific Conference “RASMIR: Eastern Numismatics - 2011”)*. Kiev: “Alfa Reklama” Publ., 8–16 (in Russian).
5. Aristov, N. A. 2001. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy (Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
6. Aristov, N. A. 1896. In *Zhivaya starina (Living antiquity)*, III–IV, 277–456 (in Russian).
7. Babayarov, G. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kulturnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dney) (Cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day))*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 347–355 (in Russian).
8. Babayarov, G. 2017. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Chacha (Problems of ancient and medieval history of Chach)*, 5. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 19–30 (in Russian).
9. Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. *Ocherki po istorii i numizmatike Zapadno-Tyurkского kaganata (Essays on the history and numismatics of the Western Turkic Kaganate)*, 1. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).
10. Bazykhan, N. 2011. In *Archaeology of Eurasian Steppe*, 13, 187–194 (in Russian).
11. Bazykhan, N. 2012. In *Istoriko-kulturnoe nasledie i sovremennaya kultura (Historical and cultural heritage and modern culture)*. Almaty: «Servise Press» Publ., 84–90 (in Russian).
12. Baipakov, K. M., Avizova, A. K. 2015. In *Izvestija NAN RK (Proceedings of the National Academy of Sciences RK)*, 6 (304), 182–214 (in Russian).
13. Beknazarov, R. A. 2010. In *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo nasledija Kazahstana (The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: “Print-S” Publ., 46–56 (in Russian).
14. Burnasheva, R. Z. 1989. *Otrar, Otrarskij oazis i Yuzhnyi Kazakhstan (Otrar, Otrar oasis and South Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of ancient Khorezm)* / Trudnovskaya, S. A., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Gantulga, Zh. 2014. In *Narody i kultura Yuzhnoi Sibiri i sopredelnykh territorii (Peoples and cultures of Southern Siberia and adjacent territories)*. Abakan: “Hakasskoe kn. izd-vo” Publ., 44–51 (in Russian).
17. Goncharov, E. Ju., Nastich, V. N. 2013. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological collection)*, 2011–2012. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ., 80–91 (in Russian).
18. Grach, A. D. 1957. In *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii (Collection of the Museum of anthropology and ethnography)*, XVII, 385–428 (in Russian).
19. Grach, A. D. 1973. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological collection)*, 1972. Moscow: “Nauka” Publ., 316–333 (in Russian).
20. Dossymbayeva, A. 2013. *Istoriya tyurkskikh narodov (History of the Turkic peoples)*. Almaty: “Servise Press” (in Russian).
21. Erbotina, D. J. 2014. In *Problemy izuchenija nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazahstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 207–217 (in Russian).
22. Zuev, Ju. A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: Essays on History and Ideology)*. Almaty: “Daik-press” Publ. (in Russian).
23. *Istoriko-kulturnyi atlas kazahskogo naroda (Historical and cultural atlas of the Kazakh people)*. 2011. Almaty: “Print-S” Publ. (in Russian)
24. Kazantsev, I. M. 1867. *Opisanie kirgiz-kajsak (Description of Kyrgyz-Kaisak)*. Saint Petersburg: «Obshhestvennaya polza» Publ. (in Russian).
25. Kubarev, G. V. 2017. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii (Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XXIII, 341–344 (in Russian).

26. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*, 2. Almaty: «Begazy-Tasmola», 188–202 (in Russian).
27. Kyzlasov, I. L. 1984. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and epigraphy)*, XIV, 84–94 (in Russian).
28. Lurie, P. B. 2010. In *Drevnie kultury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint Petersburg, 279–284 (in Russian).
29. Mahmud al-Kashgari. 2005. *Divan Lugat at-Turk / translation, preface and comments by Z.-A.M. Auezova; indices compiled by R. Ermers*. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
30. Muminov, A. K., Nurmanova, A. Sh., Mederova, D. E. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazahstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia: toponymy, epigraphy, art)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 224–236 (in Russian).
31. Myrzagaliyeva, G. S. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazahstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia: toponymy, epigraphy, art)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 248–258 (in Russian).
32. Nastich, V. N. 1989. In Livshic, V. A. et al. (ed.). *Krasnaya Rechka i Burana (Red River and Burana)*. Frunze: “Ilim” Publ., 96–120 (in Russian).
33. *Ot Altaya do Kaspiya (From Altay to the Caspian)*, 2011, 2. Almaty: “Brand Book” Publ. (in Russian).
34. Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoi Mongolskoi imperii, gosudarstvah Chagataidov i Juchidov (Coinage and money circulation in the Great Mongol Empire, the states and Chagataids and Juchids)*. Kazakhstan. Almaty (in Russian).
35. In Scientific Archive of the Russian Geographical Society, r. 64, op. 1, d. 13, l. 1.
36. Rogozhinskiy, A. E. 2010. In *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazahstana (The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: “Print-S” Publ., 101–127 (in Russian).
37. Rogozhinskiy, A. E. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazahstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 262–273 (in Russian).
38. Rogozhinskiy, A. E. 2016a. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Centralnoi Azii (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 53–63 (in Russian).
39. Rogozhinskiy, A. E. 2016b. In Tomilov, N. A. et al. (eds.). *Kazahi Evrazii: istoriya i kultura (Kazakhs of Eurasia: history and culture)*. Omsk: F.M. Dostoyevskii Omsk State University; Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute Publ., 223–235 (in Russian).
40. Rogozhinskiy, A. E. 2016v. In Derevjanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Altay v krugu evrazijskih drevnostej (Altay in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Institute Archaeology and Ethnography Publ., 527–550 (in Russian).
41. Rogozhinskiy, A. E. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*, 2. Almaty: «Begazy-Tasmola», 297–307 (in Russian).
42. Rogozhinskiy, A. E., Tishin, V. V. 2018. In *Uch. zap. muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the museum-reserve «Tomsk pisanitsa»)*, 8, 77–91 (in Russian).
43. Rtveladze, Je. V. 2006. *Istoriya i numizmatika Chacha (vtoraya polovina III – seredina VIII v. n.e.) (History and numismatics of Chach (second half of the 3rd - middle of the VIIIth century AD))*. Tashkent: “MEDIA LAND” Publ. (in Russian).

44. Savinov, D. G. 2015. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (ed.). *Realnye i znakovye formy socialnoi differenciacii v arhaike (Real and sign forms of social differentiation in archaic)*. Saint Petersburg: Museum Anthropology and Ethnography, 64–74 (in Russian).
45. Smirnova, O. I. 1981. *Svodnyi katalog sogdiiskih monet. Bronza (Consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
46. Tishkin, A. A., Merts, I. V., Frolov, Ya. V. 2016. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (14), 123–134 (in Russian).
47. Trepavlov, V. V. 2012. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovich i borbe za revansh (Siberian Yurt after Ermak: Kuchum House of Siberia and in the struggle for a rematch)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
48. Usmanova, E. R. 2011. In *Shestye Bersovskie chteniya (Sixth Bersov Readings)*. Yekaterinburg: “KVADRAT” Publ., 123–124 (in Russian).
49. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, f. 4, op. 1, d. 5431, l. 320 ob.
50. Shagalov, V. D., Kuznetsov, A. V. 2006. *Katalog monet Chacha III–VIII vv. (Catalog of coins of Chach III–VIII cc.)*. Tashkent: «Fan» Publ. (in Russian).
51. Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i ranego srednevekovia (Tamga-signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
52. Yatsenko, S. A., Smagulov, E. A. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 274–282 (in Russian).
53. Naymark, A. I. 2005. In Nikonorov, V. P. (ed.). *Tsentrlnaya Aziya ot Ahemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurid)*. Saint Petersburg: Institute history of material culture, 226–227 (in English).
54. Osawa, T. 2010. In Pim, J. E.; Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds.). *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 341–371.
55. Rogozhinskiy, A. E., Yatsenko, S. A. 2015. In Waugh, D. C. (ed.). *The Silk Road*, 13, 109–125.

About the Author:

Rogozhinskiy Alexey E. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; alexeyro@hotmail.com

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.06.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.06.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.06.2019.